

Конвейер диссертаций

Социалистический строй открывает неслыханные возможности для расцвета науки. Намеки на эту возможность огромную армию талантливых ученых. Имена многих из них известны всему культурному человечеству. Ни в мире научных работников не пользуются таким почтом, как в СССР, и ни одна страна в мире не заботится об ученых так, как наша. Советское государство предоставляет людям, занимающимся научной работой, все возможности для творческого роста.

Мы напомним уже большой и многообразный опыт по подготовке научных кадров. Этот опыт позволяет нам подводить итоги и делать выводы.

Приходится, к сожалению, отметить, что существующая ныне система присуждения ученых степеней, отбора и воспитания научных кадров имеет много недостатков.

Путь ученого до сих пор еще пытаются определять тремя стандартными вехами: аспирантский минимум, кандидатская диссертация, докторская диссертация. Поэтому нередко случается, когда то, что должно быть лишь внешним показателем, превращается в самоцель.

Аспирантура комплектуется путем разгрома мест по вузам и научно-исследовательским институтам. Для зачисления в аспирантуру требуется сдать вступительные экзамены. Затем в течение трех лет аспирант готовится к сдаче кандидатского минимума и к защите диссертации.

Но секрет, что благополучно, с защитой диссертации аспирантура далеко не все в нас постигнувшие.

И это, к сожалению, не самый худший вариант. В этом случае человек, не имеющий данных для научной работы, не получает ученой степени. По былым и таким случаям, когда аспирант все-таки «благополучно» защищает диссертацию, но, получив на основании одной только, в большинстве случаев первой, научной работы пожизненное звание ученого, никогда уже больше к исследовательской деятельности не возвращается или имеет к ней отнюдь отдаленное отношение.

Случаются в науке люди, получающие ученые степени не только путем аспирантуры. Ученые советы многих наших вузов и исследовательских институтов нередко рассматривают кандидатские и докторские диссертации. Вместо объективной научной или методической работы, всасывая ученых советов на 70—80 проц., а иногда и на все 100 посвящаются диссертационной процедуре.

«Взять тему для диссертации» — как часто слышим мы эту формулу. «Взять тему» так же легко, как переменить шовный платок или приобрести новый костюм, даже не заботясь особенно о том, чтобы он был по мере.

Консультационное бюро Центрального института усовершенствования врачей получает много писем с просьбами оказать содействие в написании диссертации. Вот что пишет, например, врач из г. Сочи: «Рекомендованная Вами клиническая тема меня не устраивает, она не соответствует моему большому материалу. Экспериментальная тема, которую Вы мне потом предложили, срывается из-за недостатка оборудования, поэтому (!) я склонен взять тему по диалектике в медицине и жить от Вас новой консультацией».

Это, к сожалению, не анекдот, а факт. Известны случаи, когда ученые степени присуждались за слабые, не имеющие научной ценности работы. На страницах печати специальной и общей за последние время описывались случаи недобросовестного отношения к диссертациям, присвоения чуждого труда или широкого использования посторонних услуг.

Начальник областного отдела технических культур Б. Н. Оболенский представил как свою диссертацию работу, которая была сделана большим коллективом агрономов — его сотрудников и помощников.

Бывший завучевший Воронежским областным здравоохранением И. Ф. Попов, не обладавший никакими научными данными, но даже, как потом выяснилось, элементарной грамотностью, решил все-таки объявить ученой степенью. Материалы Оболенского, собранные, конечно, отнюдь не лично Поповым, о санитарных последствиях войны и немецкой оккупации в области были даны за определенное вознаграждение.

БОЛЬШЕ БУМАГИ СТРАНЕ!

Это значит: больше хорошей бумаги!

Каждый день на бумажной фабрике происходит чудо. Бумажный лист, из которого здесь не удивляет. И все же это самое настоящее чудо — превращение из вышедших из жидкой массы в чистые, ровные, плотные белоснежные листы.

Но в чудо превращают. Чудо плещут, калечат, сортируют и упаковывают. Существует ли на всех этапах плывущая, производящая, отгружающая бережное отношение к той важнейшей продукции, от которой зависит дальнейший подъем культуры в стране?

Исследователи на многих бумажных предприятиях Союза. В цехах знакомых с людьми, которые своими руками изо дня в день, изо дня делают многие тонны газетной, книжной, нотной, меловой и всякой иной бумаги. Мы знаем ветеранов-мастеров с сорокалетним рабочим стажем. Мы видели молодежь, недавно пришедшую на производство.

И, будем говорить прямо, мы заметили, что в директорских кабинетах, в партийных и профсоюзных организациях предприятий любят поточить о количестве и качестве бумаги, а не о качестве.

Недавно газета «Труд» получила 21 тонну бумаги от маркской лесопильной фабрики имени Горького (и. о. директора тов. Ходков). Во время печатания очередного номера газеты выяснилось, что бумага за-

Я. ФРЕНКЕЛЬ,
лауреат Сталинской премии, член-корреспондент
Академии наук СССР
Э. КОНЮС,
доктор медицинских наук

ную плату на литературную обработку одной журналистке. Полученную в результате этой литературной операции работу И. Ф. Попов «защитил» в местном медицинском институте, в городе, где он вел Областным отделом здравоохранения. Конечно, как сообщалось в печати, послужило к большому конфузу диссертанта, но «списочная» степень — он все-таки получил. «Два часа позора, зато степень на всю жизнь», — гласит на этот счет распространенная поговорка. И любители «степени на всю жизнь» идут с готовностью на «два часа позора»!

Почему стали возможны такие факты? Прежде всего потому, что в большинстве случаев диссертация является единственным основанием для присуждения ученой степени. Если бы в основе лежало всестороннее рассмотрение деятельности и личности кандидата, Оболенский, Попов и др. не могли бы «проколоться» в ученые.

Одна диссертация не может быть основанием для присуждения ученой степени. Человека нельзя свести к одной работе. Такой подход порождает в корне. Конечно, бывают случаи, когда одна работа, как, например, «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова, может составить переломную эпоху в науке. Но мы говорим не об исключении. Как правило, одной работы недостаточно для суждения о научном работнике. Надо рассматривать все его работы в совокупности, не изолированно, а в сопоставлении со всей деятельностью, которая была им проделана, чем представлена рукопись. Подлежит ли же человек, написавший диссертацию, или по другим причинам оказывается возможным.

Даже внешняя сторона диссертационной процедуры не может благоприятствовать серьезной проверке достоинств диссертанта. Защищая диссертацию, так называемый «соискатель ученой степени», подает свою работу в трех или четырех экземплярах. Один из них остается в библиотеке, остальные раздаются официальным оппонентам. Практически к заседанию ученого совета в подавляющем большинстве случаев с диссертацией знакомится только оппонент. Никто из членов совета, за редким исключением, не только не читает диссертацию, но даже не видит ее. Они знакомятся обычно с работой либо во время защиты, из уст самого диссертанта, которому на изложение ее, согласно инструкции, предоставляется 20 минут, либо путем представления ее во время доклада. Свое личное мнение о диссертации члены ученого совета, таким образом, обычно не имеют и не могут иметь. При заочном рассмотрении диссертации оппонент присоединяется обычно к мнению официальных оппонентов. Таким образом, поддержка оценки, данной оппонентами, вотумом ученого совета имеет часто совершенно иллюзорный характер.

Если диссертация защищается на ученом совете университета, то в решении вопроса о научных достоинствах, скажем, математика, принимают участие историки, филологи, ботаники и т. д., т. е. люди, нередко знающие математику не лучше студента 1 курса математического факультета. Такое же положение, не обеспечивающее возможности рассмотрения научной работы по существу, имеется не только в университетах, но и в учреждениях более узкого специального профиля, например, в медицинских институтах.

В течение двух-трех часов перед членами ученого совета мелькают диссертация и несколько оппонентов. Они высказываются по вопросу, для подавляющего большинства мало знакомому, а затем присутствующие без всякого промедления должны вынести решение о присуждении ученой степени.

До недавнего времени у членов ученого совета была возможность воздержаться от голосования. Некоторые широко пользовались этим правом, но большое количество воздержавшихся часто ставило под сомнение результаты голосования. По ныне действующим правилам разрешается голосовать только за или против. Это еще более затрудняет членов совета и зачастую превращает голосование в лотерею.

Каждый научно-исследовательский институт, каждое высшее учебное заведение, несомненно, должны иметь возможность не только трудиться своих научных работников, хотя бы в изысканиях. Должна быть создана сеть журналов реферативного типа, на страницах которых должны находиться себе место все представляющие какой-либо интерес научные работы.

Нам думается, что такой порядок и обязательная периодическая аттестация всех научных работников поднимут на еще большую высоту нашу советскую науку и помогут организационно укрепить наши научно-исследовательские учреждения.

Белый лист газетной бумаги, выпущенный Кондопожским комбинатом (директор тов. Давыдов), имеет, на наш взгляд, все основания для того, чтобы похвалиться от стыда за свое качество и пожелать от удачи при воспоминаниях о пройденном пути. Газетная бумага наматывается на слабые, плохо склеенные рулоны. Упаковка скверная.

Хуже стал работать Камский комбинат (директор тов. Туниманов) — основной поставщик типографской бумаги: ряд издательств жалуется и на качество камской продукции. Несмотря на обилие примеров плохой работы, не следует, однако, делать вывод, что нет предприятий, где не умели бы по-настоящему работать за честь фабричной марки. Фабрика «Маяк революции», Марийский, Сежский, Новозыбинский комбинаты достойны того, чтобы по ним разлагались остальные.

У работников советской полиграфии, у издателей и редакторов, у нас, советских читателей, у советских читателей — большая и законная претензия к работникам бумажной промышленности: бумага должна быть хорошей, **всё бумага!** Странно, получается картина: как раз крупнейшие предприятия дают бумагу плохую, а мелкие предприятия выпускают хорошую.

Большая бумага стране! Этот призыв означает: **больше хорошей бумаги!** Борьба за качество начинается с заботы о чистоте издательств. На многих фабриках грязно в цехах, и от этого страдает работа.

Недостойное отношение к бумаге проявляется на железнодорожных станциях и в складских помещениях. Ее скверно пакут, ее везут на открытых платформах, под дождем, ее выгружают крюками, ее хранят в непериспективных помещениях. На 7-й разгрузочной платформе станции Москва-Товарная, Курской железной дороги, ежедневно разгружается много рулонов для

Присвоение ученой степени входит в силу только после утверждения решения ученого совета Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве высшего образования СССР. На эту процедуру уходит обычно не менее одного-двух лет.

Все благополучно защищенные докторские диссертации ВАК, как правило, отправляет на заключение трем специалистам, и лишь получив их отзывы, окончательно решает вопрос об утверждении докторской степени. Зачем же нужна предварительная публичная защита на ученом совете вузов, если все равно вопрос решается тремя специалистами?

Пора, наконец, посмотреть открытыми глазами на диссертационную практику и назвать вещи своими именами. Диссертационный метод квалификации научных кадров, запущенный 12 лет назад с надушенными целями и сыгравший в первые годы положительную роль, в настоящее время требует значительных коррективов.

Существует проект улучшить нынешнее положение при помощи введения еще дополнительных (кроме кандидатских и докторских) диссертаций — магистерских или с пиними, введенными из средневекового рекланта, напеченованиями. Но это, конечно, не вносит ничего принципиально нового в существующую систему.

Мы думаем, что суждение о научных достоинствах отдельных работников должно выноситься компетентные органы из нескольких авторитетных ученых, признающих специалистов в данной области. Никакой театральзации здесь не требуется. Такие органы по каждой специальности должны избираться учеными из своей среды и утверждаться Министерством высшего образования или назначаться по рекомендации признанных авторитетов в данной отрасли знаний.

Свое решение о присуждении степени ученой степени должно выносить на основании всех опубликованных научных работ данного лица. В тех случаях, когда опубликованных работ нет или их слишком мало, соискатель может представить и неопубликованные работы.

Решение органа должно быть основано на всем материале, характеризующем научную деятельность и личность соискателя. Можно вести право объективной оценки, как отрицательных, так и положительных, и передачу вопроса на суд органа другого состава. Но надо решительно отказаться от существующей ныне практики превращения публичной защиты диссертации в формальную процедуру.

Нам представляется также совершенно несомненным, что все научные работники должны регулярно подвергаться проверке. Надо в определенные сроки просматривать и всемерно оценивать их работы. При этом необходимо учитывать следующее обстоятельство. По ныне существующей системе, ученым присваивается пожизненно. Кандидат наук, написавший одну работу и после этого творчески умолкший на десятки лет, не имеет прав на эту степень. Получение ученой степени должно не только давать право, но и налагать обязанности. Ученую степень нельзя давать пожизненно. Она должна быть оспариваема не только предшествующим, но и последующим деятельностью человека.

Нам кажется также в корне неправильной система подготовки научных работников по конвейеру аспирантуры. Мы думаем, что лица, обладающие необходимыми данными для ведения научной работы, надо пригласить в отдельные научные центры, которые должны им руководить. При этом необходимо ввести предварительный испытательный срок, в течение которого руководитель может дать заключение о способности аспиранта к самостоятельной исследовательской работе.

Каждый научно-исследовательский институт, каждое высшее учебное заведение, несомненно, должны иметь возможность не только трудиться своих научных работников, хотя бы в изысканиях. Должна быть создана сеть журналов реферативного типа, на страницах которых должны находиться себе место все представляющие какой-либо интерес научные работы.

Нам думается, что такой порядок и обязательная периодическая аттестация всех научных работников поднимут на еще большую высоту нашу советскую науку и помогут организационно укрепить наши научно-исследовательские учреждения.

Белый лист газетной бумаги, выпущенный Кондопожским комбинатом (директор тов. Давыдов), имеет, на наш взгляд, все основания для того, чтобы похвалиться от стыда за свое качество и пожелать от удачи при воспоминаниях о пройденном пути. Газетная бумага наматывается на слабые, плохо склеенные рулоны. Упаковка скверная.

Хуже стал работать Камский комбинат (директор тов. Туниманов) — основной поставщик типографской бумаги: ряд издательств жалуется и на качество камской продукции. Несмотря на обилие примеров плохой работы, не следует, однако, делать вывод, что нет предприятий, где не умели бы по-настоящему работать за честь фабричной марки. Фабрика «Маяк революции», Марийский, Сежский, Новозыбинский комбинаты достойны того, чтобы по ним разлагались остальные.

У работников советской полиграфии, у издателей и редакторов, у нас, советских читателей, у советских читателей — большая и законная претензия к работникам бумажной промышленности: бумага должна быть хорошей, **всё бумага!** Странно, получается картина: как раз крупнейшие предприятия дают бумагу плохую, а мелкие предприятия выпускают хорошую.

Большая бумага стране! Этот призыв означает: **больше хорошей бумаги!** Борьба за качество начинается с заботы о чистоте издательств. На многих фабриках грязно в цехах, и от этого страдает работа.

Недостойное отношение к бумаге проявляется на железнодорожных станциях и в складских помещениях. Ее скверно пакут, ее везут на открытых платформах, под дождем, ее выгружают крюками, ее хранят в непериспективных помещениях. На 7-й разгрузочной платформе станции Москва-Товарная, Курской железной дороги, ежедневно разгружается много рулонов для

Яко ХЕЛЕМСКИЙ Современник

Под юнским небом, на исходе
Боевых годов,
Юноша по городу прохаживал
Мимо ясной зелени садов.

Рядом с нами улицы тенистой
Он проходил. И над ним шумел
Листья, что московскую прописку
Получил шесть недель назад.

...Человек простой, не легендарный,
Пресненской заставы старожил,
В цех вошел он и станок токарный,
Как Машину Времени включил.

Создавал она не по Улалу.
В дни больших свершений и работ
В будущем парень заглянулся,
Времени скомандовал:
— Вперед!

И, послушным воле человека,
Замелькала стантин-гора,
И вторая половина века
Распахнулась перед ним тогда.

Он стремился в завтра, на разведку,
Открыватель новых горизонтов.
И ему с вершинами Пятилетки
Станция конечная виделась.

— Догоняйте! — он кричит соседям, —
Одиночной славы не люблю.
Вместе долетим, долзем, долзем,
Кто отстал, давайте, подсоблю!

Одного желает он, по чести,
Чтобы с полным напряжением сил
Каждый на своем рабочем месте
Ту Машину Времени включил.

Он сердцами родственными поит —
Человек с открытой душой.
Если кто-нибудь его догонит,
Это — праздник для него большой.

Минуты, сроки сокращая вдвое,
Парень из цеха токарей,
Данкиным давнишним местом —
Коммунизм увидит поскорей.

Вдумчивый, выхристый, угловатый,
Пресненской заставы старожил,
Здесь он голубой гоним когда-то,
В комсомол не так давно вступил.

В бликах листьев и дневного света,
Сквозь московский гуд и пересвист
По проспектам нынешнего лета
Юноша прохаживал, окрылен.

Он — в строю. И, как шестое чувство,
Будущее посещало в нем.
Миллионы, сблизив труд с искусством,
Дажутся
В дозоре головном.

Ничего, товарищ, мне не надо,
Только быть во всем тебе под стать,
Не отстал, шагать с тобою рядом
И себя в труде перестраивать.

В Союзе советских писателей СССР

Секретариат Союза советских писателей СССР на очередном заседании рассмотрел работу Всесоюзного объединенного бюро пропаганды художественной литературы.

За последние годы Бюро пропаганды несколько расширило свою деятельность, но не сумело полностью перестроить работу в соответствии с решениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Бесплановость, самоот, малое привлечение писателей к общественным выступлениям, и, особенно, для учащихся школ и вузов, привели к тому, что Бюро пропаганды работало неудовлетворительно.

Утвержден новый совет Бюро пропаганды в составе: С. Евгенова (председатель), И. Андроникова (заместитель председателя), Л. Никулина, Л. Ошанина, А. Жарова, Л. Касилия, Е. Шевелова, С. Васильева, Е. Домогатовского.

На том же заседании секретариат утвердил редакционный совет издательства «Советский писатель». В него вошли: В. Бахметьев, Г. Гранин, Н. Гребачев, В. Игнор, Э. Казакевич, А. Караваев, Е. Кирилов, А. Кононов, Е. Ковальчик, А. Кондратьев, Ю. Либенский, В. Перцов, Б. Полевый, В. Сафонов, Л. Скрябин, П. Соколов, В. Смирнов, В. Соловьев, А. Софоров, А. Тарасенков, А. Фадеев, П. Фатеев, В. Шергина, С. Щипачев, Г. Яковлев.

«Известий», «Труда», «Гудка», «Московского комсомольца» и других изданий. По какой это варварский процесс — разрушка! Торны рулонов бьются, и тут же, на платформе, возникает гора брака. На станциях нет никакой механизации.

«Бумага все стерпит», — говорят пошляки. Увы, она действительно многое терпит, но мы-то не должны терпеть такого положения дел.

В Министерстве целлюлозной и бумажной промышленности должно быть специальное отделение по вопросам качества. Установившаяся в министерстве практика традиционных совещаний вряд ли может спасти положение. Бумажный поток актов в жалоб идет в Главбумбыт, к тов. Китаеву, откуда направляется по двум каналам: к зам. министра тов. Извекову и в производственный или технический отделы.

С внешней стороны все выглядит весьма солидно. Но по существу это только несколько липких резолюций в папке под названием «качество».

В многотысячном коллективе работников бумажной промышленности есть немало полных энтузиастов своего дела, способных возбудить движение за выпуск отличной продукции.

Неотложная задача министерства — заняться вопросом о качестве промышленного по особым условиям каждого предприятия. В первую очередь надо поднять культуру производственного процесса, точно соблюдать технологический режим.

Нет человека в нашей стране, который не был бы заинтересован в улучшении качества бумаги. Пусть на прекрасных советских машинах красуются фабричная марка: «Напечатано на бумаге такой-то фабрики». И пусть это будет каждая бумажная фабрика Советского Союза!

Бригада Союза советских писателей и «Литературной газеты»:

А. РАСКИН, А. ИВЧИ, Н. ДЫМАРСКИЙ.

П. ТРОФИМОВ В РОЛИ ТРУБАДУРА БУРЖУАЗНОГО ИСКУССТВА

Перед нами небольшая, добротная изданная Музеем изобразительных искусств книга «Шарден» — монография проф. В. Лазарева о творчестве французского художника-реалиста XVIII в. Жана-Батиста Шардена.

Нельзя сказать, что в этой работе проф. Лазарев не уделял внимания эпохе, в которой жил и создавал свои произведения художник, или забыл об окружающей его среде. В книге очень большое место занимает описание быта и нравов французской мелкой буржуазии XVIII века, типичным представителем которой, с точки зрения проф. Лазарева, был Шарден. Однако, отношение автора и к этой работе, и к самому Шардену таково, что книга может в гораздо большей степени называться восторженным панегириком французской буржуазии, чем очерком советского искусствоведа.

Шарден представляется проф. Лазареву неким идеальным всевозможных добродетелей: идеалом труженика, человека, гражданина, семьянина, художника и т. д. и т. п. Расточая по его адресу неумеренные похвалы, проф. Лазарев утверждает также, что все перечисленные добродетели украшали почти любого среднего французского буржуа XVIII века, были, так сказать, типичными, массовыми явлениями.

Быть и правым, господствовавшим в этой среде, описываемой проф. Лазаревым в идиллических тонах. Ровное и неторопливое течение жизни, заботы матери о детях, воспитание их в духе здоровых нравственных устоев, скромные семейные трапезы, обеды и ужины, игры в гусья, пьесы и т. п. — вот что, оказывается, характеризовало жизнь французского буржуа XVIII века. Устойчивость, ограниченность, порочность буржуазного быта, мораль, мировоззрение оказались незначительными советскими искусствоведами. Находясь пешим в плену у буржуазных историков и мемуаристов, не критически списывая у них характеристику буржуазного быта, слепо веря буржуазным апологетам, представляющим свой класс, только как класс честных тружеников, проф. Лазарев не замечает самого главного, характеризующего буржуазно во все эпохи ее существования: несправедливые жалки буржуа к наемным, к эксплуататорам чужого труда, ее эгоизма и корыстолюбия, систематического обмана, проповедующего в этой среде. Не замечает всего этого, автор выступил в неблагоприятной роли умилненного воспитателя буржуазного быта и морали.

Проф. Лазарев игнорирует ярже, глубоко научные, критические характеристики, которые давали буржуазные классики марксизма-ленинизма. Проф. Лазарев всячески стремится прикрасить, замаскировать эксплуататорскую сущность среды, в которой принадлежал Шарден. На стр. 34 он пишет: «В буржуазных кругах преобладающим временем выработалось свое собственное отношение к работе, в корне отличное от отношения к ней со стороны нечестной и хворосты. Для последних работа была проклятием, неисполнимым на человека за его гоним. Для буржуазии, являвшейся в XVIII веке переходным классом, работа заключала в себе момент должностности, она была с собой радостна, она завершалась успехом и материальными благами». Далее идут соответствующие пхиты из буржуазных авторов. Основная неверная установка, естественно, приводит автора к искажению исторической правды. Он, в сущности, превращает в трубадура «добродетелей» французской буржуазии и маскирует ее пороки.

В. Н. Лазарев. «Шарден». Изд-во Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва.

На том же заседании секретариат утвердил редакционный совет издательства «Советский писатель». В него вошли: В. Бахметьев, Г. Гранин, Н. Гребачев, В. Игнор, Э. Казакевич, А. Караваев, Е. Кирилов, А. Кононов, Е. Ковальчик, А. Кондратьев, Ю. Либенский, В. Перцов, Б. Полевый, В. Сафонов, Л. Скрябин, П. Соколов, В. Смирнов, В. Соловьев, А. Софоров, А. Тарасенков, А. Фадеев, П. Фатеев, В. Шергина, С. Щипачев, Г. Яковлев.

«Известий», «Труда», «Гудка», «Московского комсомольца» и других изданий. По какой это варварский процесс — разрушка! Торны рулонов бьются, и тут же, на платформе, возникает гора брака. На станциях нет никакой механизации.

«Бумага все стерпит», — говорят пошляки. Увы, она действительно многое терпит, но мы-то не должны терпеть такого положения дел.

В Министерстве целлюлозной и бумажной промышленности должно быть специальное отделение по вопросам качества. Установившаяся в министерстве практика традиционных совещаний вряд ли может спасти положение. Бумажный поток актов в жалоб идет в Главбумбыт, к тов. Китаеву, откуда направляется по двум каналам: к зам. министра тов. Извекову и в производственный или технический отделы.

С внешней стороны все выглядит весьма солидно. Но по существу это только несколько липких резолюций в папке под названием «качество».

В многотысячном коллективе работников бумажной промышленности есть немало полных энтузиастов своего дела, способных возбудить движение за выпуск отличной продукции.

Неотложная задача министерства — заняться вопросом о качестве промышленного по особым условиям каждого предприятия. В первую очередь надо поднять культуру производственного процесса, точно соблюдать технологический режим.

Нет человека в нашей стране, который не был бы заинтересован в улучшении качества бумаги. Пусть на прекрасных советских машинах красуются фабричная марка: «Напечатано на бумаге такой-то фабрики». И пусть это будет каждая бумажная фабрика Советского Союза!

Бригада Союза советских писателей и «Литературной газеты»:

А. РАСКИН, А. ИВЧИ, Н. ДЫМАРСКИЙ.

Лев СЛАВИН

„ПОСТОРОННИЕ ЛИЦА“

По началу М. И. Михайлов кажется просто человеком холодным, однако, приглядевшись пристальнее к образу, его действия, убеждаешься, что здесь дело не только в некоторых малоприятельных свойствах сердца.

Безразличное отношение доктора Михайлова к насущным жизненным нуждам его сотрудников доктора Е. Н. Якунина быстро перешло в активно-враждебное. Война принесла старому советскому врачу-педиатру Е. Н. Якунину много горя. Муж ее погиб на фронте. Квартира и все имущество, нажитое за долгие годы трудовой жизни, оказавшиеся на территории, занятой врагом, — уничтожены. Сын ее, комсомолец Георгий, в 1943 году был в рядах Советской Армии.

Родина отнеслась к вдове и матери вдовца с заботливым участием. Родина вернула Якунину горя, любимую работу, материальную обеспеченность. Она получила пособие, какое выдают семьям фронтовиков, павших смертью храбрых. По возвращении из эвакуации обратно в Московскую область ее тотчас была предоставлена работа по специальности в детском санатории «Быково». Там же, в этом доме при санатории, Якунина получила комнату.

А вскоре в ее жизнь вошла еще одна большая радость: 28 апреля нынешнего года вернулась демобилизованный из армии сын. Способный юноша, с серьезными задатками математика, он в последний год пребывания в армии стал студентом-очником математического факультета МГУ.

Кула вернулся Георгий? Естественно, к матери. Ее дом — его дом. Живя у матери, Георгий рассчитывал подготовиться к осенним экзаменам для того, чтобы в заочника стать полноправным «очником» студентом МГУ.

Эти планы жизненного устройства, такие скромные, глубоко человеческие и естественные, были нарушены неожиданно и грубо.

Михайлов, главный врач санатория «Быково», в хозяйство которого числится и этот жилой дом для сотрудников, запретил прописывать Георгия на жилищной учетной матери. Он мотивировал это тем, что Георгий «является посторонним лицом».

Все в этом удивительном решении противоречит и закону, и нормальному чело-

На стр. 4 «шарденовский» стиль отбрасывается проф. Лазаревым как «буржуазный», образчик которого трудно не поддаться (подчеркнуто нами.—П. Т.). Восторженными характеристиками творчества Шардена проф. Лазарев, в сущности, пытается внушить читателю мысль, что произведения, о которых идет речь, имеют не только относительное, но и абсолютное познавательное значение. Аполитичный, неклассовый, объективистский подход к анализу творчества художника привнес автор к ложному применению перед его произведениями.

Проф. Лазарев пытается показать советскому читателю глубоко ошибочную мысль, что буржуазный художник в состоянии передать миру полную правду о своем классе. Он стремится всячески доказать, будто бы Шарден совершенно точно, без всяких прикрас и идеализации отразил действительность. Такого рода стремление абсолютно неосуществимо, так как буржуазный художник, даже прогрессивный, будучи отражением мировоззрения своего класса, не в состоянии быть до конца правдивым и беспристрастным. Не желая знать этого, проф. Лазарев не смог понять, что в творчестве Шардена дано узкое, однобокое, идеализированное отражение быта буржуазии, что в них подчёркнуты прежде всего положительные стороны.

В книге разбросаны рисованные аналогии, претендующие на научность. Так, на стр. 18—19 автор утверждает, что известная близость между рассуждениями французского философа Робинсона и всеобщей одухотворенности материи и взглядом Шардена на вещи, как на некоторый род одухотворенные существа. Аналогия проводится таким образом, что у читателя создается впечатление, будто бы точка зрения Робинсона правильна.

Заскучив проф. Лазарев в области истории философии и общественно-политической мысли совершенно неудовлетворителен. На стр. 39—40 он излагает свое понимание сущности этического учения Руссо. Не замечая никаких противоречий, никакой узости и ограниченности в этом учении, проф. Лазарев умиляется и восхищается им. Он всячески стремится представить Шардена и Руссо идеальными, лишёнными каких-либо недостатков социальными типами. Такого рода работа по заимствованию идеологов буржуазии не имеет ничего общего с марксистскими исследованиями. И Руссо, и Шарден были сыновьями своего времени и своего класса и, несомненно, восприняли все пороки своей эпохи. Говоря о морали Руссо, проф. Лазарев должен был бы помнить, что эта мораль не оторвалась и не осуждала существа почти отравленной культуры (см. «Исповедь» Руссо), которая, как известно, не может быть основой подлинно, человеческих отношений. Проф. Лазарев не понимает внутренней противоречивости и ограниченности социально-этических взглядов Руссо.

Там же, проф. Лазареву по ходу изложения материала представляется возможность остро и решительно высказаться против современного буржуазного искусства, он ограничивается только сопоставлением Шардена с Сезанном (один из представителей формалистического направления эпохи империализма). Он не находит нужным высказаться против деградировавшей буржуазной культуры.

Книга проф. Лазарева пронизана неискренним отношением к буржуазному искусству и не может принести пользы советскому читателю.

Удивление вызывает позиция журнала «Искусство», начавшего на своих страницах в основном хвалебную рецензию И. Цыганова об этой книге.

Лев СЛАВИН

СНАРЯД, ПУЩЕННЫЙ ВЕРНОЙ РУКОЙ

Одна из задач советской литературы — разоблачать в художественных произведениях тлетворность и ложь буржуазной морали, показывать капиталистическое общество во всей его наготе.

Решению этой задачи посвящены произведения А. Симонова «Русский вопрос», «Буря» И. Эренбурга и другие. Но пока их не столько много. Тем более ценно появление подобного произведения в одной из наших братских литератур — в украинской. Речь идет о повести украинского писателя В. Собко «Далекий фронт».

1944 год. В джунглях Атлантического побережья Франции затанцевали один из немецких концентрационных лагерей — Дюбуа-Каре. Это лагерь с особым режимом: редко кто из пленников выходит отсюда на волю.

Здесь, в женском отделении, больше тысячи пленниц — француженок и чешек, болгарок и датчанок. За колючую проволоку лагеря пошла и англичанка Джен Кросби. Ее взяли прямо с самолета, летевшего из Алжира в Лондон и сделавшего вынужденную посадку на вражеской территории. Властвует над жизнью узниц немка-сиделка Мари-Клер, специализирующаяся на изобретении самых невероятных издевательств и пыток.

В лагерь попадают и две советские девушки — Мария Дороненко и Тания Егоровна. Девочки они уже бежали из немецких концлагерей, теперь их наказали и перевели в Дюбуа-Каре. Среди тысяч пленниц только они еще оказывают сопротивление убийцам, только они остались непокоренными, сохранив волю к борьбе. Они бегут в из Дюбуа-Каре, но титеров их ловят. Мария тяжело ранена и умирает. Тание предстоит еще худшая участь — пройти перед казнями все муки изощренных пыток.

Но смелой, мужественной девушке еще суждено жить. Началось изгнание англичан и американцев на континент.

Тания Егоровна ждет быстрее вернуться в советскую страну. Но ближайшее советское консульство есть только в Лондоне, и она принимает приглашение Джен Кросби вместе отправиться в Лондон.

Мать Джен — миссис Кросби — говорит представителю советского посольства майору Маркову:

«Тания может жить в моем доме сколько угодно. Она спасла жизнь моей дочери. Я была бы счастлива иметь возможность отблагодарить ее как следует. Во всяком случае в Англии у нее всегда есть дом... Это дружба, скрепленная кровью».

Таня вскоре пришлось узнать на деле истинную цену этой «дружбы» и пресловутого гостеприимства «доброй старой Англии».

Глава семьи Кросби — один из крупнейших английских промышленников. Он участвует в международных картелях, выступая в компании с американцем — мистером Гибсоном. Этот промышленный магнат принадлежит к предприятию не только в самой Англии и США, но и в Германии. В частности, они совладельцы крупных заводов в немецком городе Ригене.

Мистер Гибсон особо озабочен судьбой этих заводов. За крупную взятку высмеивает командование воздушных сил он добивается того, что город Риген и его заводы на картах английской и американской авиации отмечены, как «объект, не заслуживающий бомбардировки». Между тем, заводы в Ригене выпускают танки и другое оружие; несущие смерть тысячам американских и английских солдат.

Автор повести выразительно рисует образ Гибсона — матерого вола капитализма. Рассуждения Гибсона — смесь наглого цинизма с типичной философией собственника и лицемерием предателя:

«Так или иначе наши войска защитят нашу честь и наше имущество. Какая разница, где находится это имущество — в Америке или в Германии? Наши заводы — это часть Соединенных Штатов».

Вадим Собко. «Далекий фронт», повесть. «Витязь», № 11 и 12, Киев, 1947.

Вопрос справедливо и логично будет, если наши солдаты прольют за них немного крови, как они это уже не раз делали во всех частях света...

Этот американский делец, торгующий кровью своего народа, становится хозяином в Англии. Англичанки Кросби — все в его власти и под его влиянием.

В повести убедительно показана власть доллара. Заводы в Ригене, оснащенные литературской армией, отныне под защитой англо-американского генералитета. Летчик Брауфорд, случайно сбросивший бомбы в районе города, переведен из бомбардировочной авиации с понижением, как офицер, нарушивший приказ. Стовор промышленников с командованием стоит жизни тысячам американским и английским солдатам. В районе Ригена эти солдаты внезапно контратакуют и разгромлены главными немецкими танками, вышедших прямо с заводов Гибсона и Кросби.

Среди погибших англичан — сын миссис Кросби от ее первого брака. Но мать подавляет ужас и возмущение, — рядом с ней мистер Гибсон. Он — полноправный хозяин и в доме своего компаньона...

Между тем, из случайной беседы сговор промышленников становится известен Тание Егоровой. Узнав об этом, Гибсон понимает, что здесь пределы его власти кончатся: советская девушка не будет молчать. Он действует быстро и точно: вскоре Джен — «подруга» Тани, являвшаяся ей в любви, обязана Тане жизнью, — предает ее в руки американцев. Таня сквачена и заключена теперь уже в американский концентрационный лагерь.

Здесь Тана предлагает подписать заявление о том, что она из политических соображений отказывается вернуться в Советский Союз и просит американские власти «обеспечить ей все свободы, гарантированные американской конституцией».

Идеалисты звучат слова «свобода» и «конституция» в лагере, где колючая проволока заряжена электрическим током и на каждом углу — часовые! Советская девушка с иронией отвечает:

«... Насколько я помню из ваших слов, концлагерь — это наиболее пригодное место для действия американской конституции, а я хочу остаться в сфере действия нашей Советской Конституции. Она меня больше устраивает...»

Получив отказ, шантажисты не унывают: они подделывают подписи Тани под заявлениями. Эти сценки в американском концлагере, как и аналогичные сценки сотрудничества американского посольства майору Маркову на запрос о Тане, являются художественной иллюстрацией к тем фактам, которые не раз представлялись на международных конференциях советским дипломатам, в частности, по вопросу о так называемых «перемещенных лицах».

Судьба героини завершается благополучно: девушка удается бежать из американского лагеря. Она добегает до Лондона, находит майора Маркова и рассказывает ему все. Освобожденная, она бросает в лицо семье Кросби и Гибсону бичующие слова о гнусности творимых ими дел.

Заключительная часть повести явно недоработана, излишне торжественно изложена в ней некоторые эпизоды.

Образы отрицательных персонажей — Гибсона, Кросби, Джен, Мари-Клер, со всей их отталкивающей моральной позистостью, правдивы и выразительны. Чувствуется, что сила гнева и омерзения являлась здесь рукой писателя и помогла ему найти нужные слова и краски.

Бледнее образ Тани Егоровой; он подчас схематичен.

Повесть «Далекий фронт», увлекательная по фабуле, актуальная по теме, будет еще значительней, если в ней исправить эти недостатки. Но и сейчас она представляет собой важное явление в послевоенной украинской литературе. Главное, что отличает это произведение, — его боевой, наступательный дух. Повесть «Далекий фронт» — это снаряд, пущенный верной рукой в постылые растительной буржуазной морали и политического интриганства.

В 1941 году на колхозных полях Симовицкой области (Казахская ССР) были обнаружены два колоса ржи с боковыми ответвлениями. В течение лета эти колосы были выращены в лаборатории на поле. В настоящее время на полях Казахстана выращивают рожь с боковыми ответвлениями. На снимке: колоски ржи, выращенные в лаборатории на поле. Фото М. СКОРИНА ТАСС.

Как строить курс советской литературы

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

В связи с опубликованием в «Литературной газете» (№ 46 от 1948 г.) статьи А. Дементьева и Е. Наумова «Как строить курс советской литературы», редакция получила большое количество писем от преподавателей литературы, учителей и учащихся.

Т. А. Дементьев и Е. Наумов безусловно правы, — пишет ассистент Крымского педагогического института т. Б. Черкез. К стилю наших литературоведов, до сих пор мы не имеем ни одного учебника по советской литературе для вузов, ни одной значительной монографии о творчестве крупнейших писателей. Мало того, программы по советской литературе не отвечают потребностям сегодняшнего дня.

Студент Киевского университета т. Волынский присылает к мнению авторов статьи, высказавшись за отделение советской литературы от курса XX века революционных лет. Он считает, что советская литература еще не заняла в школьном и вузовском преподавании должного места: «Совершенно ясно, что курс советской литературы не может быть прочитан за 6 час. в школе и за 60 час. в вузе».

Об этом же пишет и т. А. Андрей, преподаватель средней школы г. Комсомольска.

«Большинство из нас давно убедились, что воспитательное значение лучших произведений советских писателей несравненно выше, чем произведений литературы прошлого. Порою начинаешь казаться, что программы и учебники составили старички и старушки «добраго старого времени», не замечавшие, что в условиях Советской власти уже выросло новое поколение, которое начинает расправлять свои крылья» (В. Молотов).

А. Андрей рассказывает о том, как учителя-энтузиасты вынуждены ухитряться, чтобы путем различных дополнительных занятий увеличить количество часов для советской литературы.

В то же время читатели высказывают ряд критических замечаний по схеме курса советской литературы, предложенной т. А. Дементьевым и Е. Наумовым.

Многие читатели отмечают, что авторы сформулировали вопрос о рамках русской литературы, не касаясь литературы братских народов. А. между тем, — пишет студент Московского библиотечного института И. Корнейчик, — многие наши студенты очень мало знают о литературе народов СССР.

Свое письмо в редакцию выпускает 126-й московской школы Ю. Шейнин, начинающий словами:

«Через несколько дней заканчиваются выпускные экзамены, и мне, растерзанному скоро с родной школой, хочется сказать...

«А ну, подними заслонку, хлопче. А, уже бегущая начинается! Ну, есть у тебя охота такой вот бурей вальсировать? Ставевар пороучает ученику самостоятельно вести плашку, и успех рождает в Зятеве уверенность в себе, в своих силах».

Писательница показывает, как в нашей стране повысились требования, предъявляемые обществом к отдельной личности, как углубилось представление о нравственном облике советского человека. Об этом говорит Караваева, противопоставляя комсомольца Соне Челашеву, организатору первой на заводе женской бригады электросварщиц, Ольгу Петрову Шанину, медлительную, мечтающую о благополучии, спокойном существовании. На слова Шаниной, что она «честно живет», но «честно зарабатывает на хлеб», Соня отвечает: «О, вы узнаете: жить — это только зарабатывать хлеб насущный, есть, пить, одеваться?» — «Ну, а что же, что же еще?» — «Нет, жить сейчас по-настоящему: честно жить — значит спасти Родину!»

Старый уральский мастер Никола Бочко оказался смещенным из сталеразливочного цеха. На его место поставлен молодой сталевар Зятев. Никола потрясен — ведь ему кажется, что он «честно трудился». Но в действительности он уже давно изменил своей рабочей чести, ибо отстал от жизни, работая с прохладцей, ни шатко, ни валко, зачастую не выполняя плана.

Никола имеет защиты у знатного сталеразливочника Ланских, но тот отказывается ему помочь. «...Что мне защищать? — спрашивает Ланских. — ...то, что ты честно своей рабочей честью перебрел? Застой, в котором ты живешь... это защищать?»

В конце концов, Никола понимает, что «в рабочем классе недостаточно только пребывать... рабочий класс — это действие, разум, талант, сила...».

Нравственные принципы советских людей — могучее оружие против «старых», вырождающихся пережитков буржуазного строя. «Там, где побеждает труд, там торжествует и нравственность...» — пишет Анна Караваева.

Безразличность хозяйственных Тербеев, «Алешка-мыльщик Пузырь», как называют его сверстники. «Директива...

Публицистическая лирика

Сергей ЛЬВОВ

3. О СТРАСТИ И БЕССТРАСТИИ *

Прямой и ясный язык, которым должна говорить публицистическая поэзия, отнюдь не означает упрощения, схематизма, сухости, стандартности поэтической формы, стремления разговаривать готовыми формулами, ибо это — вторая опасность для публицистической поэзии.

Слова воинству нашему, слава! От Кремля до Памирских высот Непреступна Советов Держава, Непреклонен советский народ, —

начинает свое стихотворение о Советской Армии Михаил Голухов и заканчивает двадцать четыре строки общими местами, восхитительными эпитетами (в среднем один восхитительный эпитет на четыре строки) и рифмами типа «знамен—времен, человек—вовек», словом, пишет так, как будто ему, а не Удуданскому продали Остан Бейдер свое пособие для сочинения парадных стихотворений, он и трещает!

Мы считаем, что возможны и совершеннее простые стихи, плавающие в самом широком смысле этого слова, т. е. не осложненные никакими специальными приемами.

В этом убеждают нас многие выдержки С. Маршала.

Возможен и иной путь, когда идея стиха не будет выражена в такой плакатной форме, а будет решена в поэтическом образе. Но образ должен быть совершенно понятен. Он должен раскрывать, а не зашифровывать политический смысл стихотворения.

В хорошем стихе «Закарпатские степи» Семена Гуденко есть стихотворение «Борьбу», которое читается так:

Пень
корнями вцепился в плет, —
землю
он никому не отдаст!
Мы возьмем ее!
Мы сильней!
Мы закончим кореньку пней.
Но не вавра
и не ланях —
поплывем в корытах пней.

Образ точно выражает идею стихотворения: неодолимость нового, которое приходит к победе, корня старого.

Поэтическая форма публицистических стихов должна удовлетворять одному главному требованию: «для внедрения идей коммунизма требуется страсть» (М. Калинин).

4. ТАКАЯ ПОЭЗИЯ ЕСТЬ!

Есть ли у нас такая публицистическая поэзия? Да, она есть.

«Народом разнорук своих страниц войска», стоит публицистическая поэзия советских поэтов, начатая в 1947/48 году. Их много.

Тема коммунизма неразрывно связана в нашей публицистической поэзии с темой партии. Замечательно, что первое свое по-настоящему значительное стихотворение талантливый поэт Александр Межиров написал именно на эту тему. Трудно и жаль переписывать его, — его надо прочесть. Перевод, пропавший на строке «плотина, стальной град», — всюду, где по-настоящему трудно, — раздается слова: «Коммунизм, вперед!».

Но повсюду,
Где скрещены трассы связи,
Или там,
Где кипение великих работ,
Сквозь века,
на века,
навегда,
до конца —
Коммунизм, вперед! Коммунизм, вперед!

«Я к вам пишу в коммунистическое далекое», — писал Маяковский о коммунизме. «На ближних постах» назвала свои стихи о коммунизме М. Аллер. Название найдено точно. Взлет из военного языка, оно выражает не только чувство приближения, но и сознание того, что оставшуюся часть пути нужно пройти с бегом, нужно завоевывать. Это стихотворение написано в самом главном — о труде-творчестве советского человека и о той цели, которая осязает наш труд:

Ученик в ремесленной спешке,
Что пришел к машине лишь вчера,
Учится расчету и спорам,
Маленький, смелый и ловкий, —
У него особая примета:
Он в коммунистические лета
Вырастет в большого мастера.
И от непереставного движения
Воздуха, которым я дышу,
Все крепчает в сердце ощущение:
Лучшее свое стихотворение
Я при коммунизме напишу.

* ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО см. № 49.

М. Тани.

В стихах о Родине мало просто слов, в них должно слышаться биее сердца поэта.

В советской поэзии есть прекрасные традиции патристической лирики, идущие от творчества Маяковского. Немало значительных произведений, посвященных великой теме социалистической Родины, созданы нашими поэтами за годы войны. Прославляя стихи последнего времени, с сожалением убеждаешься, что наши поэты пока не много прибавили к тому, что уже создано советской патристической лирикой.

Настоящая публицистическая поэзия — поэзия большой мысли, высокой страсти, простых слов — существует. Чем больше поэтов присоединится к ее числу, тем больше поэтов последует примеру величайшего поэта нашей эпохи Маяковского, тем сильнее станет передняя линия отечественной литературы.

Полковник В. БУЗИН

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 50

3

Г. Пензенко. «Всплеск советского офицера».

Госиздат, 1947, 300 стр.

Г. Пензенко. «Всплеск советского офицера».

Госиздат, 1947, 300 стр.

Г. Пензенко. «Всплеск советского офицера».

Госиздат, 1947, 300 стр.

Г. Пензенко. «Всплеск советского офицера».

Госиздат, 1947, 300 стр.

Г. Пензенко. «Всплеск советского офицера».

Госиздат, 1947, 300 стр.

Г. Пензенко. «Всплеск советского офицера».

Госиздат, 1947, 300 стр.

Г. Пензенко. «Всплеск советского офицера».

Госиздат, 1947, 300 стр.

Г. Пензенко. «Всплеск советского офицера».

Госиздат, 1947, 300 стр.

Г. Пензенко. «Всплеск советского офицера».

Госиздат, 1947, 300 стр.

А. Караваева. «Рабег». Роман. «Советский писатель», 1946 г. 435 стр.

Смерть фашизму!

Помню полярскую холодную ночь, пятый месяц войны. В ту ночь на корреспондентской машине мы направились из Москвы на фронт. По Арбату шел на передовые позиции полк. Падал дождь, изредка мелькали тонкие лучи ручных регулировочных фонариков на перекрестках, полк шел мерным шагом без музыки, без песен, и два знамени предшествовали ему, развеваясь на холодном ветру.

Одно — полковое знамя. Другое — с надписью: «Смерть фашизму! Вперед — за Берлин!».

Тогда только не видел я эту грозную надпись за годы войны! Я видел ее на деревенских щитах среди украинской земли, томной зноем, от которого трепляны пшеницы и дым пожаров казался оранжевым, застывшим в скачках одежды, как пыль. И на транспарантах среди виноградников Добружжя. И над развалинами Варшавы, где бронзовые ключи памятников лежали на тротуарах и где подожгли проложки среди битого кирпича извилистые, желтые тропы.

Смерть фашизму! Раздавить гадину, грозящую уничтожить свободу и демократию, поработить народы, погасить самую душу, самую мысль человека.

Смерть фашизму! Мир всему миру! За это сражались советские люди — и тогда, под Москвой, и в белую ночь на северо-западе, и в битве под Сталинградом, и во всех боях от Волги до Шпрее, в степях, лесах, пещерах, на болотах.

Вспоминаются последние дни войны. Берлин. Вальдгемсшлаг, сгоревший отель «Кайзергоф», огромный бетонированный бассейн с водой для тушения пожаров... Сквозь разбитую стену мы прошли в рейхсканцелярию. Убий и диланый приемный зал, разукрашенный изображением мечей и флагов, лежал в развалинах. Многолюдная юрта сажала в аял и расколола вдребезги огромный стол. Ока была забаррикадирована кирпичами, полуками стульев и тяжелыми старинными книгами в кожаных переплетах.

Справа выдвинулась стальная дверь — один из входов в подземную пещеру Гитлера. Слева, среди кучи брошенных аэровокзалов, мушкетеров, рыцарских и прочих орденских крестов, блях и консервов, патронных ящиков, видна была дверь на балкон.

Это был тот самый балкон, откуда 22 июня 1941 года Гитлер прокричал свою речь, провозглашая поход на Восток и близкую победу над Советским Союзом.

Двое советских офицеров стояли тут, вглядываясь в дымящийся город. Да, это Берлин! Мы стояли на балконе, откуда пошла плясать по земле фашистская галина. Чтобы убить эту гадюку, советские люди прошли весь путь до конца, до последнего сатаниста.

Последнее, завершающее воспоминание: Юрбергер, знамен сула и на самые последние — главные нацистские преступники. Притвор, звучащий не только как провозглашение кары, но и как предупреждение тем, кто осмелится пойти по их стопам.

Нюрнбергский процесс? Он закончился в 1946 году. А 1 июня 1948 года издающаяся в Базеле по американской лицензии газета «Ди вейе вейтунг» помещает статью одного из основных зачинщиков Геринга, некоего Зейделя, в которой этот «служитель Фемиды» осмелевает открыто утверждать, будто Нюрнбергский процесс вообще был незаконным «с правовой точки зрения».

Откуда взялся неслыханный-наглый тон этого «законодателя»-процесса? Откуда это чудовищное в своем откровенном лживом и притом беззастенчивом «календарном» глумлении над точкой зрения всего прогрессивного и первого человечества?

Всплывает в то, что происходит сейчас в Западной Германии, и вы увидите, откуда идет и чем питается эта дрянь для растущей жалости к самозабвению.

Вам, конечно, известно имя Гуго Штиннеса, представителя индустрии промышленности, поставившего Гитлера у власти. И вот 14 июня 1948 года Штиннес был оправдан дüsseldorfским судом по теневым обвинениям.

Вам довелось, вероятно, слышать и о Мессерингитте, конструкторе и ближайшем советнике Гитлера по делам авиации: он заплатил за свою вину 2 тысячи марок «штрафа» по приговору дüsseldorfского денационационного суда и очутился из свободы с незапятнанной репутацией.

Если Штиннес, Мессерингитт и их подобные лица объявляются не в чем виноватыми людьми, то почему же, спрашивается, проклясть Зейделя не сделать попытку хотя бы самым тщательным образом реабилитировать своих подзащитных?!

Доллар и свастика

Вот уже и небезвестный Шахт, напав на военный преступник, от собственности имени расточает похвалы политике Трумэна — Маршалла: «Западный мир движется целиком направо, — заявляет он, — за это я даю высочайшую оценку американской политике».

Напав Шахт покровительственно подхлывает правительство Трумэна по плечу. Скандаль? Помешана? Плевос в лицо? Ничего. Соответствующая печать с удовлетворением отмечает столь приятную, поощрительную, дружескую аттестацию. А почему бы и нет? Ведь Шахту дано право обращаться со всеми американскими политическими деятелями по-свои: среди них у него немало близких знакомых, друзей, единомышленников. Эти друзья и покровители Шахта и спешат возможно быстрее завершить раскол Германии.

Несколько дней назад, 18 июня, они объявили о проведении сепаратной денежной реформы в западных зонах оккупации Германии, причем новые деньги, уже некое прозванные «марками Клея», вступили в обращение.

Денежная реформа является продолжением провокационной раскольничьей политики западных держав и, в первую очередь, США, политика сохранения немецких капиталов при условии их подчинения американскому капиталу. Задача и цели этого нового и, по определению демократической немецкой печати, «чуждого заволаствования» оккупационных властей ясны. Реформа необходима им для завершения раскола Германии, для окончательного обособления западно-германского государства. По существу, этим односторонним актом межгосударственные границы уже превращены в границы между отдельными государствами.

Внезапно особой западно-германской валюты сулит немецкому народу новые лишения. «Хаос и страх идут по пятам денежной реформы в Западной Германии», — пишет датская газета «Политикен». Даже в официальных заявлениях открыто говорится о массовой безработице. Сотни тысяч трудящихся Западной Германии в результате денежной реформы остаются без крова, без всяких средств к существованию!

Но какое до всего этого дело фашистской немецкой реакции и ее заокеанским покровителям и хозяевам? Важно лишь, что немецким монополиям реформа сыграет на руку, а их капиталы останутся нетронутыми и смогут быть пущены в ход для возрождения западно-германской милитаристской машины.

Страх перед растущим возмущением немецкого народа, выступающего за единство Германии, заставляет местные правительства Западной Германии прибегать к жалким маневрам. Они заявляют, что «не ответственны» за проведение финансовой реформы и за ее последствия. Но ответственности не удастся избежать ни хозяевам, ни их преданным слугам!

Американские монополии, акулы с Уолл-стрит, темные дельцы, подержавшие даже во время войны тайные связи с гитлеровской Германией, сейчас делают все для того, чтобы вновь возродить фашизм и вновь пустить его гулять по миру, — на этот раз уже с клещами американского образа в руках.

Так в центре Европы создается на базе западных зон Германии новый очаг агрессивного милитаризма, фашистский заповедник и плацдарм для всякого рода авантюры, направленных против миролюбивых и демократических стран.

Смерть фашизму! Этот боевой призыв неустанно и грозно звучал в сердце советского человека, как и в сердце всего прогрессивного и прогрессивного человечества, во время всех испытаний войны. Обидаются, однако, те, кто думает, что сейчас этот призыв убогий, забыт или стал неактуальным. Смерть фашизму! — взывают и сейчас народы, стремящиеся к миру, прогрессу, демократии, к превращению всей земли в цветущий сад подлинной свободы, а не в дымящийся огаз новых войн и катастроф.

И в этой единодушной воле миролюбивых народов, в этом их стремлении полнотой дышать воздухом истинной свободы — твердая гарантия того, что все разбойничьи планы американских монополий, ставящих хищников в конечном счете потерпеть окончательный провал.

Дядюшка и племянник

По близкородственным мотивам

Турецкая печать жалует на недостаточность американской помощи, так как на содержание каждого солдата вместе с ежемесячно американцы Турция платит в среднем 38 долларов в день.

Однажды, промотавшись в дым и с грустью в будущее глядя, Племянник повстречался с дядей... С американским... не с родным. И не успев еще отдать поклон, стал кланяться в долг у дяди, до поры. Племянник был из Анкары. А дядюшка из Вашингтона. Но дядя молвил: — Нет!

Племянник у ответ, — Я, воробей, мол, стрелный и старый... Ты на рахат-лукум прошу мои доллары, Им пропущу, истратна на шербер! Я денгити те даю, хотя я и богатый, Кто мотословом, однако, не трешит. Я — не Гарун, который аль Рашида, Чтоб бляху раздаривать дукаты! Оты же, кто мне их отдала назад? Ты — пареня продажную, и как я вижу, юркий...

А кто заплатит мне? — Тебе заплатит турки! — Племянник дядюшке ответил невольный. — Транжиристов, дядюшка, меня ты не кори. — Добавил тут же он, потупившись и крохот. — Я, говорит, себе куплю подводных лодок И самолетов штурки три... — Что ж! — дядя говорит, — тогда я дать могу.

Но так как нет доверия между нами, Я доллары тебе пришлю с опекунами — Пускай следят, чтоб ты не промотал денгити!

А также, милый мой, за деньгами моими Следят они должны, но на твоих харчах! Условия сложились с ними. Племянник согласился с ними. Но не прошло и полугодия, как, Слассены собственного разла, Письмо племянник пишет дяде: «...Во первых, так сказать, строк... Прошу немедленно приехать в Анкару, Хотя бы просто так, из дружеского чувства...»

Опекуны — здоровы, будь им пусто! Но я вот из-за них намерено померу... Не знаю просто, как и быть? Мне — из-за ваших живолюбов Не то что лодок или самолетов — Турецких хлебцев не на что купить! Все, что от вас я получил, На них издержано... все им пошло

От племянных быков и до газетных уток, Которыми снабжает их Ячичин...

А так на дядюшкины средства Вполне рассчитывать нельзя!

Владимир СОЛОВЬЕВ

ДОЛЛАР И СВАСТИКА

Реплика юсупову де Гаспери

Итальянский премьер-министр де Гаспери, выступая 16 июня в парламенте, следующим образом высказался по нашему адресу:

«Литературная газета» опубликовала статью против меня. Поверенный в делах в Москве заявил протест, но эта газета, специализирующаяся на выпадах против глав государств, не опубликовала сообщения (о протесте). — Ред.) и не прекратила своих выпадов».

Следует признать, что в этом заявлении не все вымыслено. Так, непосредственно то, что в нашей газете от 10 января 1948 года была помещена статья, в которой содержалась достаточно ясная и правдивая характеристика итальянского премьера, вполне соответствующая — по нашему твердому убеждению — точке зрения всех честных и прогрессивно мыслящих людей на политическую деятельность де Гаспери.

Однако на этом соответствие заявления г-на де Гаспери истине — увы! — кончается. Ибо в номере «Литературной газеты» от 17 января на второй полосе была полностью напечатана тот самый протест итальянского посольства в делах господина П. ля Терра, который, по заверению де Гаспери, якобы вообще не был нами опубликован.

Рисуя вновь навлекая на себя недоброжелательство итальянского премьер-министра «выпадами против глав государств», мы считаем все же необходимым подчеркнуть, что своим извещением о напечатании утверждениями он сознательно пытается ввести

в заблуждение общественное мнение своей страны.

В поисках выхода из того положения, в которое он попал, де Гаспери может сделать попытку сослаться на свою «несведомленность». В самом деле: ведь он даже не знает того, где находится «Литературная газета», и считает ее «петербургской газетой».

Но именно эта вопиющая обреченная нечестность, чуждая не «обморокам», как раз и выдает г-на де Гаспери с головой: итальянского премьера, может быть, и не обязательно знать, где находится «Литературная газета», но он не вправе не знать того, что нет на карте нашей страны города «Петербург», а есть город Ленинград.

Как мы видим, источником «несведомленности» г-на де Гаспери является прежде и раньше всего его вопиющая реакционная позиция.

На следующий же день после выступления де Гаспери в парламенте газета «Римский американец» удовлетворенно назвала кабинет де Гаспери «правительством плаща Маршалла».

Всем миру ясно, какой ценой покупает министр де Гаспери такой рода более чем сомнительные комплименты по своему адресу. Не должно удивлять поэтому и то, что, стараясь «за» всех он угодил своим американским хозяевам, де Гаспери прибегает к приемам, целиком заимствованным из арсенала отпетых нацистских клеветников. Лаконично копирует, своих хозяев!

В. НИКОЛАЕВ

Живые борются

Живые борются! И живы только те, Чье сердце предано возмущенной мечте, Кто, делья прекрасную поставил пред собой, К зорким доблести идут крутой тропой.

И, точно факел свой, в градусе несут Великую любовь или священный труд...

Эти замечательные строки стихотворения Гюго французский писатель-коммунист Жан Лафонт избрал в качестве эпиграфа к своей книге «Ceux qui vivent» — «Те, кто живут». Надательство иностранной литературы, выпустившее книгу в русском переводе, озаглавило ее словами эпиграфа «Живые борются», выразив тем самым в названии подлинный идейный смысл произведения.

Живые борются! Жить — для настоящего человека не значит только дышать, но действовать, бороться, отдавать все силы освобождению народа. Книга Жана Лафонта — искренний рассказ французского патриота, который принимал активное участие в движении Сопротивления и который испытал все ужасы фашистских концлагерей. Волнующая запись личных впечатлений Жана Лафонта превратилась в произведение большого значения. Через читателей возникает правдивая картина героической борьбы французского народа, оживают образы людей с чистыми и мужественными сердцами.

Французские реакционеры пытаются сейчас исказить события и значение Сопротивления. Им хотелось бы вычеркнуть беззастенчиво, мужественную борьбу лучших людей Франции из истории страны. Но ее не уничтожишь ни запугиванием, ни клеветой. Переделывая литературу в проиловых Арагона, Этьера, Эммануэля, Бонно запечатлели героические деяния французского народа. Произведения этой литературы — правдивые и живые свидетельства, опровергающие ложь клеветников. Ценным вкладом в эту, имеющую большое значение, прогрессивную литературу Франции является и вышедшая в

Жан Лафонт. «Живые борются». Государственное издательство иностранной литературы. Москва, 1948.

русском переводе книга Ж. Лафонта «Живые борются».

Париж. Трагический для Франции тысяча девятьсот сороковой год. Ноябрь. Мрачный, лютый город. Патрули завоевателей.

В первые же месяцы поражения страны партизаны французские коммунисты развернули борьбу с врагом. Со стороны «Юмистов», в брошюрах и листовках коммунисты призывали к сопротивлению. Морис Турез и Жан Лафонт говорили народу: «Франция, верная своему прошлому, не падет на колени перед кляпой лавасе, гитлеровцы делают все, что им только прикажут. Ни разбитым гитлеровцам, ни дельцам, ни прижизненным политикам не поддаться вновь Франции. Только народ способен осуществить великие чаяния национального и социального освобождения».

Жан Лафонт живо воссоздал активную деятельность коммунистической партии. В центре Парижа женщины проводят демонстрации: их вдохновители — коммунисты. Шахтеры из департамента Па-де-Кале бастуют: организаторы забастовки — коммунисты. Участники Сопротивления пускали под откос поезда с грузами для Германии, вырывали склады боеприпасов, забрасывали гранатами немецкие патрули.

Коммунисты были душой Сопротивления. Их уговаривали в лагери, пытали и расстреливали. Место погибших занимали оставшиеся в живых, чтобы продолжать борьбу.

Арестована жена Лафонта — его ближайший друг. «Завтра, быть может, и меня арестуют», — пишет он, — но сегодня я еще борюсь в рядах своих товарищей, в наших общих рядах. Они хотят меня согнать! Нас согнут!»

Мы согнем их! Коммунисты мужественно боролись и умирали с пенем «Марсельезы». Погиб Габриэль Пери — один из самых славных сынов французского народа, погибли Декур, Полисер, Соломон, — тысячи рабочих, ученых, студентов, крестьян. Они омыли в рядах французской коммунистической партии.

Коммуниста Робера, которого долго держали в Маутхаузене, внезапно отпустили в Париж, где был его дом и семья. В лагере Эбелес он рассказал Лафонту: «Они привезли меня в Париж, думали, что выпустят у меня что-нибудь... В предместье Парижа поезд промчал мимо то дома, где живут моя мать, дети. Один из конвоиров, вероятно, об этом знал, он как бы между прочим заметил:

Скандал в семье клеветников

Идея была, видимо, могучей, но недостаточно выношенной. А, может быть, и наоборот: вынашивалась она достаточно долго, но не являлась истинно могучей? Такого рода запоздалые остроты сейчас безуспешно и притом публично терзаются глубоко озабоченная комиссия палаты представителей США. Больше того: в специальном докладе члены этой комиссии даже сочли необходимым предупредить государственный департамент, что они, возможно, вообще запретят радиопередачи «Голоса США», если коренным образом не будет улучшено «качество и достоверность» его радиопроизведений!

Ведь вот какая неприятность! «Голос», оказывается, не звучит — даже на слух не очень строгих конгрессменов... Чего доброго, и в самой Америке он вызывает и возмущение и едкие насмешки. Да и как может быть иначе? Названия «Голоса» страны, рупором истины. Взглянем поучать, вставать, даже разоблачать. Претензия неслыханная! А на деле некий выдающийся не блещущий умом и находчивостью Георгий Георгиевич Отвотов и его коллеги выдают себя за представителей американского народа, разъясняют, как живут американцы, и про всех своих жалких слезливых старателях привить чувство восхищения «американским образом жизни».

И вот такой пассаж! Мы не можем, разумеется, предположить, что комиссия палаты представителей ограничивается выражением недовольства лишь по адресу Георгия Георгиевича Отвотова. О, нет: она — простите за откровенность! — сердца нанесла пощечину не столько господину Отвотову и его коллегам, сколько самому государственному департаменту и его главе — господину Маршаллу.

Это учреждение, состоящее сейчас, как известно, в большинстве из людей военных, то есть, по меньшей мере, решительных, заданных целью проследить за миром по всем вопросам бытия. Все на свете решалось совершенно объяснять любой стране и притом в общедоступно-базарном стиле государственный департамент США.

Но это еще не все. Суть дела состояла в том, что это будет голос рая. Но что такое рай? Миллионы людей в Америке вам скажут, не задумываясь, что они живут в аду. Негры уже не идут в свет. Им, по мнению реакции в США, попусту положен ад на этом свете. Тем не менее, важно было доказать, что при решительном, а главное, смелом подходе к делу вполне удастся создать земной рай под руководством государственного департамента.

И вот тут, как говорится, «они как раз и погорели».

Вранье пресловутого «Голоса» носило такой зализанный характер, что это вызвало припадок раздражения даже у твердых намеренных конгрессменов, обычно привыкших не оспаривать лжеца, если лжец идет на пользу бизнесу.

Американским радиопрограммам, например, ничего не стоило уверять, что рабочий в Соединенных Штатах, получая 50 долларов в неделю, в состоянии покупать в роскоши роскошное издание Эггера По и Эскрипу, алетрокологический, спиральную машину или даже автомобиль.

Перелаз в области экономики в области текущей политики, информаторы из «Голоса США» авторитетно разъясняли всему миру, что советские оккупационные власти в Германии разрешили основать новую народно-демократическую партию с тем, чтобы таким путем «заманить все

бывшие нацистские элементы в советской зоне». Совершенно бессмысленная и стопроцентный добротный взлом такой рода «объяснений», разумеется, нисколько не смущает американских «комментаторов».

Неумная и бессовестная ложь, грубая тенденциозность, которой по прямому указанию госдепартамента всецело проминуты радиопередачи «Голоса США», — все это вышло из состояния спокойствия даже выдавших виды конгрессменов. Даже эти ко многому привыкшие люди возмущались такой топорной работой! Если захотеть кратко сформулировать существо их недовольства, то сделать это можно следующими словами, адресованными пресловутому «Голосу»:

«Послушай, ври, — да знай же меру! В этом, и только в этом, смысл «ревизии», которой подверглась радиодостоверность государственного департамента со стороны комиссии палаты представителей».

Разумеется, мы менее всего склонны педантически смешивать такие понятия, как «конгрессмен» и «жесткий человек», во всем случае, когда речь заходит о некоторых проблемах политики. Но мы не можем отказать и того факта, что подавляющее большинство конгрессменов несомненно является бизнесменами. И в качестве таковых они опасаются, что слишком уж грубая ложь «Голоса США» не только не будет никаким «приблизьем», но может еще — чего доброго — принести американской реакции моральный и политический убыток!

А так как «бизнес» есть высший закон и для конгрессменов, то они оказались вынужденными сделать свое признание, хотя оно и скандально компрометирует государственный департамент.

Мы уже говорили о том, что члены комиссии палаты представителей рекомендуют улучшить достоверность передач «Голоса США».

Вся беда лишь в том, что достоверность нельзя подвергнуть такого рода «операции». Достоверность — это точность, это правда. А правду нельзя ни утаивать, ни ухитряться. Ее можно попросту добросовестно придерживаться. Но такого совета почему-то в рекомендациях комиссии мы не обнаруживали.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Господ конгрессменов привело в несладкое расположение духа не лишнее пылкостью сообщение «Голоса США» о том, что «советские женщины моют голову пивом». По этому поводу они произносили даже грозную тираду: «Трудно предполагать, как такая бессмыслица может способствовать взаимопониманию между народами двух стран».

Но американская реакция, рупором которой является «Голос США», стремится отойти не в установление взаимопонимания между советским и американским народами. Наоборот, она всячески старается разжечь вражду между ними, восстановить эти народы друг против друга. И если уж говорить откровенно, не все сыр-бор как раз, видимо, и загорелся из-за того, что, по мнению американской реакции, государственный департамент слишком грубо, топорно, клеветнически-прямолинейно выдвигает эти нелепую и шекотливую задачу.

В Советском Союзе «Голос США» давно уже воспринимается, как провокационный и клеветнический голос, никакому взаимопониманию, конечно, не способствующий.

— Вы можете с ними поведаться — это зависит только от вас.

Я же бровью не повел. Они продержали меня почти четыре месяца, но так и не позволили своим. Да иначе и быть не могло, верно, ведь? Лучшее уж находилось здесь. Вчера меня вызвали в политический отдел лагеря. Они пересчитали все ребра, но теперь я ко всему привык. Если со мной что-нибудь случится, передай своим друзьям, что я ничего не сказал.

В подтверждение своих слов Робер распахивает куртку и показывает мне распухшее, истерзанное тело.

Тысячи замученных коммунистов, побитых разла освобождения своей родины в своего народа, — великое, неумирающее свидетельство мужества, благородства, бескорыстного и стойкого служения идею коммунизма. Образы этих людей воссоздает Жан Лафонт в своем произведении.

Первая часть книги озаглавлена «Париж», вторая и третья части — «Маутхаузен» и «Эбелес» — названия фашистских лагерей смерти, в которых находились Жан Лафонт.

Вот она — камня Маутхаузена, где каждый бузгунщик подпит человеческой кровью, где каторжный труд — слишком устаревшее понятие для системы истязаний, осуществлявшейся в этих лагерях. Уточненные пытки как замученные узники, пунктуально разработанные методы убийства людей, А вот убийцы: Ганс, прозванный тигром, и Боер-пантера, главные хищники лагеря, в великий которых армия зверей в человеческом обличье: Магнус, Лоренц, Кара, Цыган, Последний превращается, когда видит кровь: он убоивает, смеясь, он все время смеется, его призвал «человек, который смеется».

В условиях жестокого террора люди не падали духом, поддерживали друг друга, отпиливали свой кусок хлеба ослабленным, боролись за каждую человеческую жизнь. Вдохновителями этой борьбы в лагере были коммунисты. Организация французской коммунистической партии более года вела в лагере непрерывающуюся подпольную работу.

Был создан штаб, охватывавший различные национальные группы, штаб во главе с начальником — Иваном, в прошлом командиром Советской Армии, и его помощ-

никами — чешским и югославским офицерами.

В книге Лафонта красной нитью проходит мысль о том, что настоящую помощь в борьбе за освобождение народы ждали только от Советского Союза. Лафонт приписывает слова секретаря ЦК компартии Франции Жака Дикло, который еще задолго до того, как СССР вступил в войну, заявил, что именно Советская Армия внесет решающий вклад в дело освобождения поработанных народов.

Заключенные в лагере с третью следят за победами советских воинов, именно в них они видят своих освободителей и исторически говорят о союзниках.

Усыпленный радостной новостью о взятии Харькова.

— А на западном фронте? — спрашивает кто-то.

— Западного фронта нет, — отрезает Самон.

— Позволь, а Италия?

— Ну и в то же, что Италия! Даже если она капитулирует, повор, ничего не изменится. Русские перейдут Вислу раньше, чем союзники перейдут Бреннер или Рейн. Пока немцы в России, западного фронта нет и не будет.

— Да, как этот это чувствует. И как бы он ни относился к России, он не может не признать, что именно так сейчас разглагольствует решающая битва...

Рано или поздно союзники десант высадят, но, видимо, они считают, что русские пока слишком мало перебиты.

В последние дни разгрома фашистской Германии гитлеровцы уже говорили о будущем реванше, возлагая надежды на американскую буржуазию. Начальник лагеря эсэсовец Ганс, переезжая из лагеря, пытался утешить: «Война не кончена, когда-нибудь мы возобновим ее вместе с американцами против большевиков».

В современной французской литературе еще мало произведений, которые отражают коммунистическую партию Франции, ее борьбу. Книга Лафонта — одна из первых таких книг. Приятная хорошо французским читателям, она, несомненно, будет встречена с живым интересом в нашей советской общественности.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: И. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.